

Алексей Геннадьевич КАЛУГИН,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России по учебной работе (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

alexei_kalugin@mail.ru

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION INTO THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье на основе сравнительно-правового анализа исследуется феномен «негласных следственных действий», предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством ряда бывших республик СССР, проводится их сопоставление со следственными действиями, предусмотренными УПК РФ, производство которых включает негласные методы получения информации, выделяются отличительные признаки «негласных следственных действий». В заключение автором обосновывается вывод о перспективности расширения в российском уголовно-процессуальном законодательстве круга следственных действий, проводимых как гласно, так и негласно, познавательная деятельность в которых будет носить опосредованный характер в силу получения доказательственной информации с помощью технических специалистов посредством применения специальных технических средств и программно-аппаратных комплексов.

Based on a comparative legal analysis, the phenomenon of «covert investigative actions» provided for by the criminal procedural legislation of a number of former republics of the USSR is examined in the article; their comparison with the investigative actions provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the production of which includes covert methods of obtaining information is presented; distinctive features of «covert investigative actions» are highlighted. The author substantiates the conclusion that it is promising to expand the range of investigative actions carried out both publicly and secretly in the Russian criminal procedural legislation, so the cognitive activity in which will be of an indirect nature due to obtaining evidence-based information with the help of technical specialists through the use of special technical means, and software and hardware systems.

Ключевые слова: допустимость доказательств; негласные методы; результаты оперативно-розыскной деятельности; следственные действия; собирание доказательств.

Keywords: *admissibility of evidence, covert methods, results of operational-search activities, investigative actions, collection of evidence.*

В сложившейся за последнее столетие системе представлений о правовом регулировании отечественного уголовного судопроизводства определение «негласная» (толковые словари русского языка определяют понятие «негласный» как тайный, скрытый, секретный¹) традиционно рассматривают как атрибут оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), тогда как деятельность уголовно-процессуальную принято считать исключительно гласной, официальной (публичной), и именно этот критерий в первую очередь упоминается при разграничении этих двух смежных видов деятельности правоохранительных органов.

Так ли это на самом деле?

В ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРД определяется как вид деятельности, осуществляемый как гласно, так и негласно (выделено нами. – А.К.) оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов.

В свою очередь, определенные элементы «негласности» присутствуют и на досудебном этапе уголовного процесса: запрет на предание гласности данных предварительного расследования («тайна следствия») – общее условие предварительного расследования, предусмотренное ст. 161 УПК РФ; право органа расследования сохранить в тайне факт задержания лица в качестве подозреваемого (ч. 4 ст. 96 УПК РФ). Появились и негласные методы собирания доказательств – следственные действия, прототипом которых стали оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ): наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). И если рассматривать определение «негласные» применительно к следственным действиям именно в контексте «проводимые втайне от лица, на изобличение которого они направлены, без информирования о факте их

проведения того лица, в отношении которого они проводятся», то нетрудно убедиться, что перечисленные выше следственные действия именно в таком режиме и проводятся.

С.Я. Малышев выделяет признаки «негласности»: основной, когда субъект, осуществляющий ОРД или уголовно-процессуальную деятельность, принимает меры к тому, чтобы сущность и содержание мероприятия (действия), а иногда и сам факт их проведения были скрыты от посторонних лиц и от тех, в отношении кого осуществляется эта деятельность, и факультативный признак – конспиративность, когда сам факт принадлежности участников ОРМ или следственного действия к правоохранительным органам также скрыта как от разрабатываемого лица, так и от любых (случайных) посторонних лиц [4, с. 15].

Попытаемся выделить отличительные признаки тех следственных действий, которые уже существуют в УПК РФ и при этом фактически носят негласный характер:

1) конфиденциальный характер их производства (без информирования о факте проведения лица, в отношении которого они проводятся);

2) в ряде случаев – опосредованный характер получения следователем доказательственной информации. Так, при контроле и записи переговоров следователь получает из оперативного подразделения, фактически осуществляющего специальные технические мероприятия по прослушиванию и записи переговоров, запись фонограммы и ее расшифровку на бумажном носителе. Прослушивая и анализируя фонограмму, следователь уже сам вычленяет информацию, имеющую значение для дела, которую фиксирует в протоколе следственного действия. При получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следователь на основании судебного решения истребует у оператора связи либо интернет-провайдера документ, содержащий охраняемую законом тайну, а потом анализирует его содержание;

1 Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. акад. С.П. Обнорского. Изд. 3-е. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. С. 357; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 2. С. 491.

3) участие в данных следственных действиях в качестве технических исполнителей сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих специальные технические мероприятия, либо технических специалистов организаций, предоставляющих услуги связи, причем участие и тех, и других носит конфиденциальный характер.

Преимущества таких следственных действий перед аналогичными ОРМ с точки зрения дальнейшего использования полученной информации в доказывании по уголовному делу, на наш взгляд, очевидны, и состоят в следующем:

1) решение об их производстве принимает сам следователь, оценивающий наличие для этого законных оснований, а не руководитель оперативного подразделения;

2) участие сотрудников оперативных подразделений или технических специалистов иных органов, организаций носит технический характер, они действуют по поручению следователя, а не инициативно, при этом информация от них поступает следователю непосредственно и оперативно, минуя бюрократическую процедуру, установленную межведомственной Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд². Таким образом, значимая для уголовного дела информация, полученная оперативными сотрудниками, не требует «процессуальной адаптации», а фиксируется следователем непосредственно в протоколе следственного действия с приложением материального носителя, на котором зафиксирован «исходник».

Следует отметить, что участие специалистов, сотрудников оперативных подразделений, а также применение технических средств для поиска и фиксации доказательственной информации при производстве следственных действий являются общими

условиями предварительного расследования (ст. 164, 168 УПК РФ).

Поскольку рассматриваемые следственные действия чаще всего направлены на получение сведений, составляющих охраняемую законом тайну (тайну телефонных переговоров, тайну переписки и т.п.), соответственно, их производство связано с существенным ограничением конституционных прав граждан, они проводятся под судебным контролем (ст. 165 УПК РФ); кроме того, законность и обоснованность их проведения являются предметом самостоятельной отрасли прокурорского надзора.

Таким образом, негласные следственные действия представляют собой синтез негласных поиска и фиксации информации, более характерных для ОРД, с уголовно-процессуальным порядком принятия решения об их производстве, а также процессуальной формой закрепления полученных сведений в материалах уголовного дела и непосредственным применением процессуальных правил их проверки и оценки.

Современное законодательство многих бывших республик СССР (Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, Украины) идет по пути регламентации непосредственно в уголовно-процессуальных кодексах порядка производства так называемых «негласных» или «специальных» следственных действий (в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова³ (далее – УПК Молдовы) они именуются «специальные розыскные мероприятия», основным отличительным признаком которых является их производство втайне, без информирования лица, в отношении которого они проводятся, о факте их проведения. Некоторые из таких действий аналогичны оперативно-розыскным мероприятиям, предусмотренным российским законодательством (негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям

2 Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : утв. приказом МВД России, Минбороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС КонсультантПлюс.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 N 122-XV // ИС Континент. URL: <http://continent-online.com>.

электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан⁴ (далее – УПК Казахстана); выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ст. 272 Уголовного процессуального кодекса Украины⁵ (далее – УПК Украины) – аналог российского ОРМ «оперативное внедрение); другие имеют аналоги в УПК РФ (негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 244 УПК Казахстана), осмотр и выемка корреспонденции (ст. 262 УПК Украины)).

Полномочиями на их производство обладают различные субъекты, например, в Казахстане они проводятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности (ст. 232 УПК Казахстана); в Украине – непосредственно следователем или по его поручению – уполномоченными законом оперативными подразделениями (ст. 246 УПК Украины); в Латвии – лицом, осуществляющим производство по уголовному делу (следователем, прокурором) на основании постановления следственного судьи, а если для реализации такого действия необходимо использовать средства и методы оперативной работы, то их производство поручается особо уполномоченным законом специализированным государственным учреждениям (субъектам ОРД) (ст. 216 Уголовно-процессуального закона Латвийской Республики⁶ (далее – УПК Латвии)).

В большинстве случаев производство негласных следственных (розыскных) действий допускается лишь по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и осуществляется на основании судебного решения.

При этом результаты негласных следственных (розыскных) действий используются в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных действий (ст. 256 УПК Украины, ст. 239 УПК Казахстана, ст. 259 УПК Латвии, ст. 221 УПК Кыргызстана⁷).

Итак, как справедливо отмечает Ю.В. Дерюшев, налицо тенденция инкорпорации оперативно-розыскных возможностей раскрытия и расследования преступлений в состав средств сферы уголовно-процессуального регулирования, «процессуализация» способов ведения уголовного судопроизводства, ранее не присущих нормам уголовно-процессуального права [3, с. 123].

Является ли эта тенденция всего лишь результатом «явного крена в сторону упрощенчества, присущего западным моделям производства по уголовным делам», проявлением «скрытой контрреволюции» в уголовном процессе [1, с. 123], слепым подражанием западным образцам, или же есть объективная потребность в развитии уголовно-процессуальной формы, расширении спектра уголовно-процессуальных действий, направленных на собирание доказательств?

Представляется, что, оценивая вышеописанные новации в уголовно-процессуальном законодательстве указанных государств, можно признать и то, и другое.

В то же время, оценивая реальное состояние российской уголовной юстиции, нельзя не признать, что модернизация арсенала средств доказывания действительно назрела, и решающим фактором здесь являются существенные изменения в структуре и характере преступности, требующие от государства разработки новых, адекватных складывающейся обстановке средств противодействия. В числе таких изменений следует выделить как наиболее значимые:

4 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 N 412-V // ИС Континент. URL: <http://continent-online.com>.

5 Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 N 4651-VI // ИС Континент. URL: <http://continent-online.com>.

6 Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21.04.2005. URL: <http://www.pravo.lv>

7 Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 24.01.2017 // ИС Континент. URL: <http://continent-online.com>.

– стремительную «цифровизацию» преступности, когда большая часть преступных посягательств на собственность, почти весь незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также многие другие виды преступлений «ушли» в Интернет, совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; при этом появилась и новая разновидность противоправных посягательств на конституционный строй государства и общественную безопасность, которую можно условно обозначить такими терминами, как «информационная война», «кибертерроризм»;

– устойчивое поступательное снижение в общем массиве совершаемых преступлений доли так называемых традиционных, уголовные дела о которых возбуждаются по заявлениям граждан либо юридических лиц, на фоне практически не контролируемого роста латентных преступлений, которые выявляются в абсолютном большинстве случаев в результате активной целенаправленной работы оперативных подразделений правоохранительных органов (коррупционные и иные должностные преступления, незаконный оборот наркотиков, оружия, порнографии, незаконный игорный бизнес, преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом, и многие другие);

– высокую степень организованности значительной части преступной деятельности, которая на современном этапе характеризуется высочайшей степенью конспирации, дистанционным и анонимным характером взаимодействия соучастников, использованием зашифрованных каналов связи, криптовалют и т.д.

В этих условиях наибольший интерес в плане внедрения в уголовно-процессуальное законодательство представляют негласные методы сбора информации из источников, не доступных непосредственному восприятию следователем, обеспечивающие получение такой информации, которую зафиксировать в материалах уголовного дела традиционными способами (путем составления протокола, приобщения к делу веще-

ственных доказательств (предметов, документов) невозможно.

Речь идет о получении информации посредством применения различных технических способов аудио-, видеofиксации, перехвата электронных сообщений, передаваемых по различным телекоммуникационным сетям (посредством электронной почты, мессенджеров), в том числе зашифрованным каналам связи, снабженным криптографической защитой, поиск виртуальных следов преступной деятельности на интернет-сайтах и т.д.

Соответственно, познавательная деятельность при сборе такой доказательственной информации осуществляется уже не путем непосредственного восприятия следовой картины следователем при помощи органов чувств, а посредством специальной техники (например, средств объективного видеоконтроля), специализированного программного обеспечения, применять которые способен лишь обладающий соответствующими знаниями и навыками специалист, от которого следователь получает уже некий пригодный для восприятия, изучения и логической оценки информационный продукт, причем чаще всего – на электронном носителе.

С учетом этих особенностей опосредованный характер познавательной деятельности следователя при сборе доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием новейших информационно-телекоммуникационных технологий, будет присущ многим следственным действиям, как это происходит, например, при производстве экспертизы.

Проанализируем с этой точки зрения перечни специальных (негласных) следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством некоторых бывших республик СССР.

Задача сбора доказательств хорошо организованной и глубоко законспирированной преступной деятельности, осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в первую очередь, в ситуациях, когда на момент на-

чала расследования она еще не завершена и не пресечена, на наш взгляд, может быть успешно решена путем использования таких негласных следственных действий, как:

негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места (ст. 242 УПК Казахстана, ст. 260 УПК Украины, ст. 226 УПК Кыргызстана);

негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи (ст. 243 УПК Казахстана; ст. 263 УПК Украины); мониторинг соединений, относящихся к телеграфным и электронным сообщениям (ст. 134.1. УПК Молдовы);

негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 244 УПК Казахстана);

негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации (с электронных информационных систем) (ст. 245 УПК Казахстана; ст. 264 УПК Украины, ст. 225 УПК Кыргызстана);

установление местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268 УПК Украины);

документирование при помощи технических методов и средств, а также локализация или отслеживание через глобальную систему позиционирования (GPS) или с помощью других технических средств (ст. 134.3. УПК Молдовы);

сбор информации от поставщиков услуг электронных коммуникаций (ст. 134.4. УПК Молдовы);

идентификация абонента, собственника или пользователя системы электронных коммуникаций или точки доступа к информационной системе (ст. 134.5. УПК Молдовы);

мониторинг банковских счетов (ст. 269.1 УПК Украины); мониторинг или контроль финансовых сделок и доступ к финансовой информации (ст. 134.2. УПК Молдовы);

негласное наблюдение за лицом, предметом или местом (п. 7 ст. 231 УПК Казахстана; ст. 269 УПК Украины); наблюдение

за жилищем с использованием технических средств, обеспечивающих запись (ст. 132.7. УПК Молдовы);

обследование жилища и/или установка в нем аудио-, видео-, фото- и киноаппаратуры для ведения наблюдения и записи (ст. 132.6. УПК Молдовы).

В перечисленных специальных следственных действиях следователь выступает как субъект, принимающий решение об их проведении, решающий вопросы их судебного санкционирования и ставящий задачу – на подготовительном этапе, и получающий для изучения и процессуальной оценки адаптированную для восприятия информацию. Непосредственными же исполнителями являются технические специалисты, применяющие специальную технику, программно-аппаратные комплексы, прием далеко не всегда это сотрудники оперативных подразделений.

Во всех этих действиях отсутствует непосредственный контакт следователя, сотрудников оперативных подразделений с лицом, в отношении которого осуществляется или, что скорее всего, еще только будет осуществляться уголовное преследование при условии, что это лицо удастся установить и задержать.

Поэтому рассуждения о том, что такого рода негласные действия каким-то образом нарушают процессуальные гарантии прав личности, систему принципов уголовного процесса, на наш взгляд, наивны.

Вместе с тем результаты применения технических средств собирания доказательственной информации практически всегда отвечают требованию проверяемости при помощи других процессуальных действий.

Кстати, в контексте сказанного полагаем, что вряд ли можно считать оправданным включение в уголовно-процессуальное законодательство в качестве специальных (негласных) следственных действий «классических» оперативно-розыскных мероприятий – проверочной закупки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения и других, связанных с имитацией их участниками криминальной деятельности, как это сделали наши коллеги из ближнего зарубежья.

Следует оговориться, что мы отнюдь не ведем речь о замене ОРМ «негласными следственными действиями»; они будут существовать параллельно до тех пор, пока ОРД и уголовное судопроизводство будут регламентироваться разными законами и осуществляться разными субъектами. ОРМ проводились и будут проводиться значительно чаще аналогичных им «негласных следственных действий» в силу того, что они проводятся на этапе выявления и пресечения преступлений, то есть до начала уголовно-процессуальной деятельности, и преследуют соответствующие цели, тогда как следственные действия производятся исключительно в целях собирания и проверки доказательств в процессе расследования уголовного дела.

При этом результаты оперативно-розыскной деятельности могут и должны рассматриваться не только как информационная база для формирования уголовно-процессуальных доказательств в виде предметов, документов, свидетельских показаний, но и как источник информации, имеющий самостоятельное значение: как сведения, добытые сотрудником оперативного подразделения путем непосредственного восприятия следов преступления, а иногда и самого события его совершения, гносеологически схожие с результатами следственного действия (осмотра, следственного эксперимента, обыска и т.п.), но полученные в ином, не предусмотренном уголовно-процессуальным законом режиме. В качестве характерных признаков, позволяющих выделить результаты ОРД в самостоятельный вид доказательств, и одновременно условий их использования в уголовно-процессуальном доказывании С.Б. Россинский и А.Е. Вытовтов выделяют:

а) невозпроизводимость, то есть невозможность повторного получения следователем, судом соответствующей информации;

б) потенциальную проверяемость этих сведений на предмет относимости, допустимости и достоверности при помощи уголовно-процессуальных средств [2, с. 15; 5, с. 80].

В этом контексте интерес представляют критерии допустимости доказательств, кото-

рые используются в уголовно-процессуальном законодательстве упомянутых выше государств постсоветского пространства.

Попытаемся выделить общие для всех положения, при этом обращая внимание на принципиально важный характер взаимосвязи между достоверностью и допустимостью, заключающийся в том, что требования, предъявляемые к допустимости фактических данных, в конечном счете направлены на обеспечение их достоверности.

Наиболее четко эта взаимосвязь отражена в формулировке ч. 1 ст. 112 УПК Казахстана: «Фактические данные должны быть признаны не допустимыми в качестве доказательств, если они получены с нарушениями требований настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса при досудебном расследовании или судебном разбирательстве дела повлияли или могли повлиять на достоверность полученных фактических данных» (выделено мной. – А.К.). Аналогичную формулировку содержит ч. 2 ст. 94 УПК Молдовы.

К существенным нарушениям прав и свобод человека, всегда влекущим признание полученных доказательств недопустимыми, отнесены:

– применение пыток, насилия, угроз, обмана, шантажа, а равно иных незаконных действий и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство личности обращения или угрозы его применения (ст. 112 УПК Казахстана, ст. 82 УПК Кыргызстана, ст. 87 УПК Украины, ст. 130 УПК Латвии, ст. 94 УПК Молдовы);

– использование заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного ему их разъяснения (ст. 112 УПК Казахстана, ст. 87 УПК Украины, ст. 130 УПК Латвии);

– проведение процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу, в том

числе подлежащим отводу (ст. 112 УПК Казахстана, ст. 82 УПК Кыргызстана, ст. 130 УПК Латвии, ст. 94 УПК Молдовы);

– существенное нарушение порядка производства процессуального действия (ст. 112 УПК Казахстана);

– осуществление процессуальных действий, которые требуют предварительного разрешения суда, без такого разрешения или с нарушением его существенных условий (ст. 87 УПК Украины);

– нарушение принципов уголовного процесса (ст. 130 УПК Латвии).

На прямую и закономерную связь между допустимостью и достоверностью указывают такие основания признания фактических данных недопустимыми доказательствами, как получение их от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании, а также с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям (ст. 112 УПК Казахстана, ст. 82 УПК Кыргызстана, ст. 94 УПК Молдовы).

Исходя из проведенного сравнительного анализа одним из направлений развития российского уголовно-процессуального законодательства в части совершенствования порядка собирания, проверки и оценки доказательств может быть расширение круга следственных действий, проводимых как гласно, так и негласно, познавательная деятельность в которых будет носить опосредованный характер в силу получения доказательственной информации с помощью технических специалистов посредством применения специальных технических средств и программно-аппаратных комплексов.

Допустимость доказательств, полученных в результате как гласных, так и негласных следственных действий, должна определяться двумя основными критериями:

а) возможностью проверки полученных сведений на достоверность уголовно-процессуальными способами, доступными суду;

б) соблюдением конституционных прав и свобод человека при получении доказательственной информации.

Библиографический список

1. Астафьев, Ю.В. Участие оперативно-розыскных органов в расследовании преступлений: забытый опыт прошлого / Ю.В. Астафьев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – N 3. – С. 180-185.
2. Вытовтов, А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Вытовтов. – Омск, 2020. – 23 с.
3. Деришев, Ю.В. Конфиденциальные процессуальные действия в континентальном уголовно-процессуальном законодательстве: поиск компромисса / Ю.В. Деришев, Н.Е. Орумбаев // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2015. – N 2 (32). – С. 122-128.
4. Малышев, С.Я. Условия негласности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / С.Я. Малышев // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. – 2017. – N 2 (42). – С. 15-26.
5. Россинский, С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2018. – N 10. – С. 70-84.